

УДК 809.461.28/29–73

А.Н. Магомедова

Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры

Дагестанский государственный университет; mikailm@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию аварских паремиологических единиц с религиозным кодом культуры в собственно лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Впервые в статье проблема ставится в конфессиональном аспекте. Частично для сопоставления привлекается соответствующий паремиологический материал русского языка. В статье также прослеживается роль лексико-семантического состава при формировании паремиологических образов с религиозным кодом культуры.

Ключевые слова: *аварские и русские паремии, паремиологические единицы, особенности национальной и конфессиональной культуры, отражающиеся на лексическом, фразеологическом и паремиологическом уровнях, код культуры, языковая картина мира, ключевые концепты паремий с религиозным кодом культуры.*

The research examines Avar proverbs containing religious cultural code in lingual and cultural aspects. It's the first time the problem is analyzed in confessional aspect. Analogous Russian proverbs are taken for comparison. The paper traces the role of lexical and semantic stuff in the development of paremiological images containing religious cultural code.

Keywords: *Avar and Russian proverbs, paremiological units, ethnic and confessional culture's peculiarities reflected on the lexical, phraseological and paremiological levels, cultural code language picture of the world, key concepts of proverbs containing religious cultural code.*

Достаточно большая часть аварских паремиологических единиц носит антропоцентрический характер, так как ориентирована на человека, на его внутренний мир, практическую деятельность и т. д. Такое утверждение имеет отношение к паремиологическим единицам любого лингвокультурного общества, представляющего собой тот или иной народ, носитель того или иного конкретного языка и культуры.

Паремиологические единицы с разными кодами культуры отражают образ человека, то каким он должен быть и как должен поступать в разных ситуациях. Так как паремии обобщают общечеловеческий опыт, то нередко они носят назидательный характер, что в их структуре отражается посредством употребления императивов, слов со значением долженствования, использования грамматических форм в переносных значениях (в ином функционировании) и т. д.

В паремиологических единицах, как и во фразеологизмах, отражается образ человека (его практическая деятельность, образ мыслей, духовная культура, отношение к другим людям и т. д.). Человек запечатлел в языке не только свой внешний и внутренний облик [2, с. 3], но и свое отношение к жизни, рождению и смерти.

Чаще всего все, что связано с образом человека, отражается во фразеологических и паремиологических единицах, являющихся фрагментами языковой картины мира, которая в лингвокультурологической литературе характеризуется как наивная картина мира.

В настоящей статье рассматриваются аварские паремиологические единицы (пословицы и поговорки), содержащие религиозный код культуры. Это пословицы и поговорки аварского народа, в которых актуализируются морально-нравственные ценности, связанные, в т. ч., с сущностью исламской религии. Это то, что должно быть нормой. А «норма обычно формулируется как отрицание аномалии. Позитив всегда требует негатива. Не случайно почти все заповеди, устанавливающие нормы поведения, содержат отрицание» [2, с. 6].

Такая смысловая структура обосновывается актуализацией позитивного и деактуализацией негативного в жизни общества, языкового коллектива. Такое альтернативное противопоставление или сопоставление, характерное для паремиологических образов, достаточно существенно и для текстов религиозного содержания.

Как и в других языках мира, в аварском языке паремиологические единицы представляют собой такие структуры языка, в которых отражаются материальная и духовная культура народа, его менталитет, религиозные представления, ценности ислама, особенности мировосприятия и т. д. В этом плане аварский паремиологический фонд выступает в качестве фрагментов языковой картины мира, одного из источников изучения истории и культуры народа, его религиозных представлений, морально-нравственных ценностей.

В паремиологических единицах с религиозным кодом культуры достаточно важным представляется такой компонент, как «ценность». Лингвистическое толкование данного понятия в Словаре русского языка С.И. Ожегова содержит три лексико-семантических варианта:

1. Цена, стоимость. *Картина большой ценности*. 2. Важность, значение. *Большая ценность работы*. 3. Ценный предмет, явление (обычно во мн. ч.). *Материальные и духовные ценности* [5, с. 777].

К философско-религиозному пониманию данного понятия близок третий – лексико-семантический вариант (то, что представляет собой духовную ценность). Некоторые сведения относительно философского понимания данного понятия содержатся в научной литературе. В этом смысле мы можем обратиться к следующей интерпретации понятия «ценность». «Ценность как философское понятие обозначает положительную или отрицательную значимость какого-либо объекта или субъекта (предметно-объектные ценности), нормативную, предписательно-оценочную сторону феноменов человеческого сознания» [3, с. 79].

С точки зрения отражения в пословицах и поговорках морально-нравственных ценностей, актуализируемых исламской религией, интерес представляют особенности лексико-семантического состава анализируемых аварских паремий, так как именно лексический состав в таких случаях влияет на формирование паремиологических образов. Как известно, наиболее эксплицитно особенности национальной и конфессиональной культуры отражаются на лексическом, фразеологическом и паремиологическом уровнях. Слово как накопитель знаний об окружающем мире – коллективная память носителей языка [3, с. 79–80].

Анализ материала в этом плане показывает, что ряд ключевых слов и словосочетаний, создающих паремиологические образы, непосредственно связан с исламской религией. Такие слова можно было бы считать ядерными компонентами характеризующих паремиологических образов. К такого типа концептуально важным словам и семантически целостным словосочетаниям мы можем отнести структуры типа:

Алагъ «Аллах», *адаб* «уважение, почитание, нравственность, нравственная этика» [7, с. 8], *сабру* «терпение», *алжан* «рай», *жужахI* «ад», *чIегIерабракъ* «место захоронения человека» (букв. «черная земля»), *гIумро* «жизнь», *хвел* «смерть», *къадар* 1) «судьба», 2) «смерть»; *рижи* «рождение», *глажал* «конец (жизни), смерть», *ритIухъльи* «справедливость» и другие.

Анализ паремиологического материала показывает, что наиболее часто употребляются слова *адаб* «нравственная этика, почитание» и *сабру* «терпение».

Например: *Адабазул эбел калам дагъльийила, хьулазул эбел сабруйила* «Мать почитания – немногословие [говорят], мечты мать – терпение [говорят]. *Адаб гьечIесул адабгиккоге, жаниб льоларесда рагIиги бицунге* «Знай, кому доверяешь» – букв. «Не уважай-невежливую, и не делись с несерьезным». *Сабру – алжанальул кIул* «Терпение – ключ от рая». *Сабруялъул тIиналда – багIараб месед* «На дне терпения/терпеливости – красное золото». *Алжанальул нуцIида хъван гьечIила «сабру» – ян къокъ гьабун, хъван*

бугила «с-а-б-р-у»–ян халат гъабун «На дверях рая, говорят, не написано коротко «терпение», написано, говорят, длинно «т-е-р-п-е-н-и-е». Здесь актуализируется мысль о том, что терпение, которое может быть вознаграждено Всевышним, должно быть длинным. Такая мысль нашла актуализацию, как видно из приведенного примера, способом графического изображения слова «т-е-р-п-е-н-и-е» [1, с. 58].

Паремиологические образы такого типа отличаются компаративной семантикой и позитивной национально-культурной коннотацией. Компаративная семантика эксплицируется разными структурами: формой сравнительно-идентифицирующего именительного падежа (ср. *терпение – ключот рая*), параллельными формами, реализующими сравнительно-сопоставительные отношения и т. д. Следовательно, в одних случаях мы имеем дело с чисто компаративной семантикой, в других же случаях – с компаративной формой и семантикой.

В тех случаях, когда человек, следуя исламским нравственным ценностям, не должен нарушать нормы этикета, принятые в том или ином лингвокультурном обществе, в аварских паремиологических единицах употребляются запретительные по семантике глагольные формы с формантом *-ге*: (ср. *бицунге* «не говори», *гъабуге* «не делай» и др.).

В случаях же утверждения общечеловеческих ценностей, признаваемых и актуализируемых традициями исламской религии, в структуре паремиологической единицы употребляются именные и глагольные формы аварского литературного языка с формантом *-ила* (*-йила* – после основы с гласным исходом) с исторически первичной (этимологической) семантикой «говорят/утверждают»: *сабру-йила* «терпение – говорят», *хъван буг-ила* «написано – говорят» (букв. «написано есть – говорят») и т. д.

В различных заповедях разных религий, как известно, используются формы глаголов со значением запрета того, что не соответствует нравственно-моральным нормам и поэтому является осуждаемым. Такие паремиологические образы формируются, как уже отмечалось, употреблением запретительных по семантике императивных форм глагола.

Императивные запретительные формы глагола употребляются в аварских паремиологических единицах, в которых осуждается человеческая гордыня (признак слабости человека) как отрицательное качество. В таких структурах значение запрета может быть имплицитно или эксплицитно причинно мотивировано: *Члухлуге: члелераб ракъ-алдайин мун лъезе вугев* «Не гордись: в черную землю [ведь] тебя положат». *Черхалдаса глорцлуге, къуваталдаса члухлуге* «Не останавливайся на достигнутом, силой не гордись» – букв. «Не наслаждайся телом, силой не гордись».

Значение запрета может быть имплицитно выражено и финитной формой глагола в бессоюзной конструкции, в которой реализуются смысловые отношения обусловленности: *Бикъила – вакъила, вагъила – къела* «Своруешь [= если своруешь] – проголодаешься, подерешься [= если подерешься] – проиграешь» [= Не воруй – будешь голодать, не дерись – проиграешь].

В паремиологических единицах разных языков, не имеющих генетического родства (например, в русских и дагестанских паремиях), отражаются представления о добре и зле, о справедливости/несправедливости. Справедливость (*римлухъльи*) в аварских паремиях получает позитивную оценку и компаративную окраску: *Римлухъльи реклараб хвалчадасанги реклараб* «Справедливость острее острого кинжала». *Римлухъльиялъул нух глатидаб* «У справедливости дорога широкая».

Справедливость заключается и в том, чтобы другому человеку не делать того, что самому не нравится. Такая мысль нашла актуализацию в следующей аварской паремиологической единице: *Жиндиего бокъулареб жо чияе гъабуларев чи, гъеле бицунго лъикIав чи* – букв. «Тот, кто не делает другому того, что самому не нравится, – вот самый лучший человек».

Однако подлость есть подлость. У нее корни глубокие, поэтому подлого человека исправить трудно, подлый человек поступает подло даже в благоприятных как будто бы для него ситуациях. Такое содержание отражается в непродуктивных по количеству,

но ярких по эмоциональной насыщенности паремиологических образах: *Алжаналда таниги, толареб къадарав чияс къадараб гIамал* «Если даже в рай отправить, подлый человек не оставит подлого характера».

Старость и смерть – в руках Всевышнего. Это то, что неминуемо, что судьбой предназначено, предначертано (актуализируется мысль о неизбежности смерти). Поэтому для реализации указанной идеи употребляется отрицательная форма глаголов *херльизе* «стареть», *хвезе* «умереть»: *Гьикъун херльуларел, гьикъун холарел* «Старость и смерть не спрашивают [наступить ли]» – букв. «Спросив, не стареют, спросив, не умирают». *Къаркъала херльулеб – ракIхерльулареб* «Молод душой» – букв. «Тело стареет, а сердце – нет». *Херльиларев гьечлев, хвеларев гьечлев* «Под Богом все равны» – букв. «Нет человека, кто бы не состарился, нет того, кто бы не умер».

Все происходящее представляется как исключительно зависящее от Всевышнего, находящееся в руках Всевышнего. И старость, и смерть – естественные явления. Например: *Херльи – унти* «Старость – не радость» – букв. «Старость – болезнь». *Херльиялдаса баракат бугеб жо батичIебила, тIаде бачIун гурони тIаса унареб* «Нет ничего благополучнее старости: с годами не убудет, а только прибудет». *Зоб бихъарасда ракъ бихъулеб, дуниял бихъарасда хвел бихъулеб* «Познавший жизнь – познает смерть». В паремиологическом образе имплицитно выражается смысл, что к старости и смерти следует относиться спокойно, без суевы, философски.

В приведенных выше паремиологических образах обращают на себя внимание образно-определятельные сочетания, где определятельную функцию выполняют формы родительного падежа существительных (отметим, что форма родительного падежа существительного в аварском языке употребляется в определятельной функции, часто в качестве относительного прилагательного, как, впрочем, и в других дагестанских языках). Такие словосочетания носят достаточно эмоционально-экспрессивный характер и отличаются позитивной культурной коннотацией: *адабазул эбел* «мать нравственного этикета, почитания», *алжаналъул нуцIа* «двери рая», *алжаналъул кIул* «ключ от рая» (букв. «рая ключ»), *сабръялъул тIино* «дно терпения», *ритIухъльгиялъул нух* «справедливости дорога» и другие.

В таких конструкциях часто реализуется художественная метафора, основанная на переносном употреблении слов, а сами образы по разным причинам (лингвистическим и неллингвистическим) носят национально-культурный характер.

Еще один образ, отраженный в аварских поговорах с исламским кодом культуры, – это образ смерти. Втакого типа паремиологических образах имеет место сравнение рождения человека и его смерти. В аварской языковой картине мира рождение человека сравнивается с радостью, смерть – со слезами, такое противопоставление усиливается в сравнительно-сопоставительном по конструкции паремиологическом образе: *Гъаву-ралъул рохула, хваралъул гIодула* «Когда рождается [человек] радуются, когда умирает – плачут». Следовательно, обрядовые ситуации, связанные с исламскими религиозными традициями, при рождении человека и при его смерти разные.

Для аварских паремиологических единиц с религиозным кодом культуры характерна и персонификация смерти, о чем свидетельствует следующий паремиологический образ: *Хвел нилъеда хадубчIунбугеб* «Смерть за нами стоит».

Пословицы и поговорки, как известно, являются языковыми знаками определенных ситуаций, которые каждым народом осмысливаются по-своему [6, с. 117]. В работах лингвокультурологического характера утверждается, что в осмыслении человеческого бытия жизнь и смерть человека выступают в качестве важнейших понятий [4, с. 113].

Осмысление смерти отражается в паремиологических единицах и других языков, например в русском языке как в одном из славянских языков, с которыми связаны традиции христианской морали и христианских культурно-исторических ценностей. В связи с обсуждаемой проблемой А.Г. Нарушевич утверждает, что в русских паремиологических единицах наиболее ярко проявляется осмысление смерти. В соответствующих

паремиологических образах отразились древние языческие и христианские представления славян о мире [4, с. 113].

В отличие от аварской языковой картины мира, в русской языковой картине мира обрядовая ситуация смерти оказывается приравненной к рождению человека (чего не было, например, как указывалось выше, в аварской картине мира). Еще одно отличие русской паремиологической картины от аварской состоит в том, что в русской языковой картине мира смерть, по мнению исследователей, воспринимается как смена места существования: *Родится человек на смерть, а умрет на живот* [жизнь]. В таком паремиологическом образе актуализируется представление не о том, что «жизнь порождает смерть, а умереть – значит родиться вновь» [4, с. 113]. Слово *покойник* приводится в качестве свидетельства того, что в древнем сознании носителей русского (славянского) языка смерть воспринимается как покой, избавление от тяжелой безрадостной жизни: ср. *Лучше смерть, чем злая жизнь*.

Паремиологические образы обоих языков не только актуализируют неизбежность смерти, так как жизнь дает и забирает Всевышний, но и внушают мысль о том, что после смерти все равны: *Царь и народ – все в землю пойдет. У смерти на глазах все равны. Смерть всех поравняет. Бечедавги мискIунавги хвараб мехаль цолъулел* «Богатый и бедный после смерти одинаково равны». Таким образом, актуализируется мысль, что полная справедливость может быть только после смерти.

Религиозные представления о быстротечности жизни и отсутствии необходимости (ненужности) стремиться к материальному достатку отражаются в соответствующих паремиологических образах. И в русских, и в аварских паремиологических образах актуализируется мысль, что материальное богатство в этом бренном мире ничего не стоит: *Умрем, ничего с собой не возьмем. Что копили, того не заберем* (рус.). *Хвараб мехаль щибниги цадахъ босуларо* «Когда [человек] умирает, ничего с собой не забирает» (ав.).

Актуализируется мысль, что лучше на этой грешной земле не к материальным благам стремиться, а достойно жить, поэтому ряд аварских паремиологических образов такого содержания строится на глагольной форме со значением пожелания, особенно часто употребляемой в молитвах и в так называемых благопожеланиях и проклятиях как особых структурах языка: *Ниль хвезегIан чильи хогеги* «До нашей смерти пусть достоинство не умрет». Важны человеческое достоинство, его дела и поступки по отношению к другим людям, к родной земле (к Родине) и т. д.

В аварских паремиологических единицах подчеркивается мысль о моральном бессмертии достойного человека, способного отдать жизнь за родную землю, за свою родину, за землю своих предков (*эбел-инсул ракъ* «матери-отца земля»), защищая её от посягательств врага. Это, как и другие качества человека, становится мерилем ценности мужского самолюбия, достоинства. В данном случае на религиозный код культуры накладывается и гендерный признак.

В аварских паремиях часто утверждается мысль о том, что герой не умирает (не погибает), потому что даже после смерти остается его имя, которое он восславил в жизни: *БахIарчиясе хвел букIунареб* «Для героя (храброго человека) смерти не бывает. Образ бессмертного героя усиливается путем его сопоставления с образом труса: *БахIарчи хвани, цIар хутIулеб, цIукIа хвани, рогъо хутIулеб* «Если умирает храбрый, имя его остается [продолжает жить], если умирает трус, позор остается».

Оценка (позитивная или негативная) человека после его смерти связана с его делами (хорошими или плохими) при жизни, с тем, что он оставил после себя: *ХвечIого чиясул къиматIгаларреб* «[Только] после смерти узнаешь цену человеку». Втакого типа аварских паремиологических единицах актуализируется мысль о том, что достойная жизнь человека – это достойное имя (слава) не только в жизни, но и после его смерти. Человек уходит как материальная субстанция, но остается его идеальная материя, бессмертны дух и душа человека.

Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры практически не изучены ни в лингвистическом, ни в лингвокультурологическом аспекте (следует подчеркнуть и неизученность аварской коранической фразеологии). Наш анализ представляет собой первую попытку такого типа исследования материала паремиологических единиц. Различные языковые структуры ведут себя по-разному в текстах разных жанров. Сказанное имеет отношение и к религиозным текстам, которые в дагестанском языкознании, можно сказать, не изучены ни в собственно лингвистическом, ни в лингвокультурологическом аспектах. Полный охват такого материала, на наш взгляд, может пролить свет и на другие, не менее актуальные проблемы. Правда, решение вопроса в определенной мере осложняется еще тем фактом, что отсутствует справочная литература по аварскому языку и фольклору с полным охватом соответствующего аварского паремиологического материала и с его качественным комментарием. В связи с этим в статье нами использован доступный на данном этапе материал, имеющий не только лингвистическое, но и лингвокультурологическое значение.

Литература

1. *Алиханов З.С.* Пословицы и поговорки аварского народа. – Махачкала, 1972. – На ав. яз.
2. *Арутюнова Н.Д.* Введение в логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
3. *Гвазава В.И.* Иерархия ценностей в макротерминосистеме «мораль» // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. – Ростов н/Д, 2003.
4. *Нарушевич А.Г.* Образ смерти в русской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. – Ростов н/Д, 2003.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1983.
6. *Панина Л.С.* Пословица как источник этнокультурной лингвистической информации (на материале пословиц народов, живущих в Оренбургской области) // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. – Ростов н/Д, 2003.
7. *Халиков К.Г., Эфендиев И.И.* Словарь ориентализмов в аварском языке. – Махачкала, 2002.

Поступила в редакцию 7 октября 2012 г.